

Г. КУРМАНОВА,
Н.А. БАГДАСАРОВА

Экологический миф вчера и сегодня

С конца 40-х и до начала 70-х годов нашего столетия единственной общепризнанной угрозой будущему цивилизации считалась возможная ядерная война. Еще в середине 80-х годов Ж. Деррида строил свою апокалиптику в этом дискурсе: "Единственным абсолютно реальным референтом продолжает быть событие масштабов абсолютной ядерной катастрофы" [1].

Геополитические перемены последних лет сняли эту тему с повестки дня (хотя ядерная война по-прежнему называется источником угрозы в социологических опросах). Место же главного невротизирующего массовое сознание фактора заняла "экологическая угроза", идея которой восходит ко временам "экологического пессимизма".

Именно она поставила общество перед фактом: "Решение экологических проблем, равно как и их возникновение, роковым образом зависит от людей ограниченных в интеллектуальном и культурном плане" [2]. Попытка преодолеть эту ограниченность составляет сущность концепции формирования "экологического мышления" (или "экологического сознания") - чего-то такого, что, как все понимают, крайне необходимо, хотя мало кто ясно представляет себе, в чем оно, собственно, заключается.

Классический учебник экологии, написанный около четверти века назад, начинался с утверждения: "В наши дни каждый остро осознает важность наук о среде для поддержания и повышения уровня современной цивилизации. Экология быстро становится отраслью науки, теснейшим образом связанной с повседневной жизнью каждого человека, будь то мужчина, женщина или ребенок" [3].

Предполагалось, что некоторый уровень информированности индивида в области экологической теории и прикладной экологии позволит ему принимать рациональные решения в ситуациях "экологического выбора" - от предпочтения "экологически чистых" пищевых продуктов до предпочтения "экологически озабоченного" кандидата на политический пост.

Прошло время, и сегодня приходится констатировать, что "основные идеи экологии... не нашли достаточно адекватного отражения в общественном сознании, несмотря на очевидную необходимость их применения в сфере взаимоотношений человеческого общества и остальной живой природы. Причинами этого являются экологическая неграмотность даже наиболее образованных и активных слоев населения, а также устойчивое сохранение антропоцентрического мировоззрения" [4]. Закономерно возникает вопрос о взаимодействии науки с обыденным сознанием, осуществляемом через образование.

Но действительно ли проблема формирования экологического мышления - это проблема соответствующего образования?

Количество "экологической" информации, доступной (физически и интеллектуально) неспециалисту, сравнимо, пожалуй, только с количеством таковой по вопросам

Курманова Гульнара - кандидат биологических наук, доцент Киргизско-Российского славянского университета.

Багдасарова Нина Ароновна - кандидат психологических наук (Бишкек).

права и интимной жизни. "Экологическое просвещение" подразумевает, что качество этой информации делает ее понятной индивиду, не имеющему специального образования¹.

Однако доступность информации имеет и другую сторону: ясность и истинность, как известно, - понятия дополнительные. В качестве примера можно привести две публикации в "Экологическом вестнике Кыргызстана" - издании, заявленном как "информационно-аналитический бюллетень по проблемам охраны окружающей среды".

Первая из них (без указания автора) называется "Меры предупреждения обострения заболеваний и их профилактики в периоды магнитных бурь" [5, с. 7, 8]. Приведенные в ней количественные оценки эпидемиологической ситуации выглядят следующим образом: "... примерно треть вызовов скорой помощи коррелируют со вспышками на Солнце, 40% - с магнитными бурями, 30% - с ионосферными и другими сопровождающими их факторами". Рекомендации страдающим хроническими заболеваниями формулируются, например, так: "Увеличить, по крайней мере регулярно употреблять лекарственные препараты, ранее назначенные вашим лечащим врачом". К сообщению приложен прогноз "геофизически неблагоприятных дней", согласно которому в апреле 1997 года таковыми являлись 2, 5, 9, 13, 19, 23, 27, 28, 30 числа (всего 9 дней из 30 - те самые 30% вызовов "скорой помощи"?); в тексте же имелось указание на то, что "на магнитные бури люди реагируют по-разному: одни - за сутки до приводимых в календаре дней, другие - в указанные дни и третьи - на следующие сутки после них". Таким образом, для человека, подозревающего, что своими недомоганиями он обязан "геофизически неблагоприятным дням", практически любой день апреля мог оказаться угрожающим².

Вторая публикация представляет собой перепечатку из газеты "Сельская жизнь". Позволим себе лишь одну цитату: «Железо, аминокислоты, аммиак - вот далеко не полный перечень тех вредных веществ, которые аккумулируются в организме кур в процессе переваривания пищи (речь идет о пресловутых "ножах Буша". - *Прим. авт.*). Весь этот "рацион" получает и потребитель окорочков. Особенно рискует тот, кто привык за обедом съесть не одну, а несколько ножек». Вот он, "продуктовый геноцид" в действии: подверстанный к этой публикации материал гласит: "По данным Продовольственной комиссии ООН... некоторые западные фирмы расширяют производство и экспорт не только экологически опасной, но и запрещенной в развитых странах сельскохозяйственной и мясомолочной продукции" (цит. по: [5, с. 17, 18]).

Фактически утверждения, сделанные в обсуждаемых сообщениях, могут и не вызывать сомнений в достоверности. Сомнения вызывают не сформулированные в явном виде, но следующие из текста прогнозы о масштабах возможных неблагоприятных последствий, если пренебрегать указанными опасностями. Соответственно реакция на эти сообщения обусловлена не столько экологической грамотностью реципиента, наличием у него "экологического мышления", сколько уровнем личностной тревожности и невротизации.

Информация такого рода рассчитана на ограничение возможностей ее рационального анализа. Это - не научные тексты, но и не "популярные". Скорее, их можно квалифицировать как псевдонаучные: не обладая особенностями, делающими научный текст доказательным, они тем не менее имеют ряд "научообразных" характеристик - терминологических, стилистических, апеллируют к авторитетам,

¹ Заметим, что называться экологом - совсем не значит быть профессиональным экологом; в категорию "экологов" попадают инженеры, врачи, педагоги, чиновники - все, чья деятельность так или иначе связана с экологической проблематикой и полностью либо частично финансируется в рамках различных экологических кампаний. В конце концов, санпросветработа и гигиенические мероприятия тоже имеют к экологии непосредственное отношение.

² Речь идет не о самом факте неблагоприятного воздействия "гелиогеофизических возмущений в атмосфере Земли" на здоровье человека: это предмет специальных дискуссий. Мы же обсуждаем лишь эффекты публикаций, рассчитанные на неспециалистов.

правда, политическим, а не научным (ситуации, когда научная ссылка заменяется ссылкой на решения правительственных, общественных организаций, вообще весьма интересны), наконец, помещаются в специализированном издании.

Атрибуты такого рода снижают вероятность критического восприятия текста (собственно, оказывают fasciniрующее влияние)³. Слово "информация" восходит к *inform* - "придавать форму", быть формирующим началом" [6]. В нашем случае форма, приданная сообщениям, несет вполне определенную эмоциональную нагрузку, закамуфлированную рационалистическими деталями.

Для того чтобы осознанно принимать рациональные решения, кроме возможно большего количества информации, индивид должен обладать навыками оценки и анализа такой информации, опытом и достаточной независимостью суждений.

А это значит - быть специалистом.

Неспециалисты же не имеют дела с научными концепциями. Они имеют дело с искусственно формируемыми (посредством системы общего образования и СМИ) описаниями окружающего мира, которые с необходимостью включают систему экологических мифов и связанных с ними табу.

Мифогенная функция СМИ общеизвестна, хотя знание о ней очень мало изменяет в целом не критичное отношение к информации, получаемой из этого источника, в особенности если речь идет о витально значимой информации, каковой воспринимается и "экологическая".

Каждая "экологическая" публикация, предназначенная для неспециалистов, содержит долю действительно научно обоснованных представлений. Однако в целом такие описания превращают жизнь в "опасную штуку, от которой умирают", по выражению Е. Леца. Экологический миф, как и всякий миф, "ничего не скрывает и ничего не демонстрирует - он деформирует: его тактика - не правда и не ложь, а отклонение" [7]. Кстати, отсутствие указаний на автора сообщений симптоматично: какой, в самом деле, автор может быть у мифа?

Описания, на которых эти мифы построены, формируются на основе предрассудков и стереотипов, лежащих за пределами сознания. Материалом для них служат эмоционально окрашенные и витально значимые высказывания. Экологические мифы апеллируют прежде всего к чувству страха, активируя на бессознательном уровне потребность индивида в безопасности. Можно утверждать, что место экологического просвещения заняло то, что А. Назаретян [8] охарактеризовал как "нагнетание паники"⁴.

Насколько вообще страх управляет жизнью человека - вопрос особый. В экзистенциальной философской традиции он ставится как вопрос о том, чего стоит, а чего не стоит бояться. Понятия страха и боязни при такой постановке разводятся на следующем основании: боязнь, испуг, растерянность - эмоции, порождаемые реальной опасностью; страх и тревога - состояния, не связанные с реальной угрозой, их источник ирреален, необъясним, абсурден.

А. Брудный, ссылаясь на Г. Марсея, констатирует "радикальную небезопасность" мира, в котором мы живем: «Обострение потребности в безопасности выражается в чувстве тревоги, не способствующем последовательно рациональному отношению к реальной действительности. Есть все основания полагать, что само формирование человеческого мышления на ранних его этапах также происходило в условиях "радикальной небезопасности..."» [10].

У Г. Марсея в 1951 году было, положим, больше оснований упрекать мир в небезопасности. Почему же в конце 90-х, когда "уровень небезопасности" мира, несомненно, гораздо меньше, чем сразу после Второй мировой войны, чувство тревоги

³ Под fasciniрующим воздействием понимается такое воздействие, которое снижает критическое отношение к содержанию сообщений, когда реципиент понимает и усваивает их содержание, но не способен дать им сколько-нибудь объективную оценку.

⁴ С. Пегов и Ю. Пузаченко употребляют выражение "экологическая экзальтация", также очень уместное [9, с. 149].

остаётся столь существенным компонентом человеческой психики? Может быть, действительно, дело в том, что в человеческое сознание встроен некий блок — наследие антропогенеза, — который "боится". Возможно и другое: наша симпатико-адреналовая система рассчитана на определённые стрессовые нагрузки так же, как мышцы рассчитаны на определённые нагрузки физические. Не имея перед собой реальной угрозы выживанию, человек изобретает опасности, которых можно бояться: по существу, мы имеем дело с банальной рационализацией иррациональных эмоциональных состояний. Источник тревоги — не во внешнем мире; тревога есть физиологическое состояние организма. Такого рода неопределённые состояния имеют тенденцию "объективироваться" (если пользоваться словарем З. Фрейда), находя себе объект во внешнем мире: "общая неопределённая боязливость" обнаруживает готовность использовать любую появившуюся возможность. Чем больше возможностей, тем меньше затруднений вызовет рационализация сделанного выбора, т.е. ответ на вопрос, почему выбран именно этот объект, а не какой-нибудь другой. Объект должен быть прежде всего приемлем с точки зрения действующих в данной культуре моральных норм.

Сходная ситуация возникает и при необходимости объективировать чувство тревоги. В этом смысле дети обладают гораздо большим выбором, нежели взрослые. Объективация тревоги взрослым человеком встречает ряд затруднений, поскольку выбранный объект должен быть по меньшей мере правдоподобным; он должен действительно нести некую потенциальную опасность, реальный уровень которой трудно оценить. Экологический миф в этом отношении чрезвычайно удобен: бояться можно даже лимонной кислоты — постольку, поскольку кто-то где-то упомянул об ее канцерогенных свойствах — или алюминиевой посуды, поскольку алюминий, кажется, играет какую-то роль в патогенезе Альцгеймера. Похоже, у человека есть потребность чувствовать себя беспомощным, в данном случае — перед таинственными корпорациями производителей пищевой продукции или инженерами-ядерщиками, злонамеренно проектирующими аварийные АЭС. Эти источники "экологического зла" в силу своей отчужденности утрачивают какие-либо признаки своего человеческого происхождения и выступают скорее как силы природного или демонического характера.

"Угроза выживанию" при существующей средней продолжительности жизни — категория мифологическая. Нам только кажется, что продолжительность жизни недостаточно велика. Между тем история *homo sapiens* — за исключением разве что истории библейских патриархов — свидетельствует об ином. Сегодня человек может прожить половину жизни, не увидев смерти с достаточно близкого расстояния. Не этот ли опыт добывают дети через современные "страшные сказки" телевидения и видео? Замечательное исследование этой проблемы средствами беллетристики содержится в "Кладбище домашних любимцев" С. Кинга [11]; аналогичное научное исследование, похоже, еще не предпринято. Заметим, кстати, что игры на тему "я боюсь" присутствуют в репертуаре молодых животных. Возможно, это моделирование поведения в опасных ситуациях, с которыми животные реально еще не сталкивались. Очевидно, такие игры должны сохраняться в онтогенезе до тех пор, пока их тренирующие функции будут актуальны.

Фрагменты экологических мифов служат для рационализации собственных неадекватных действий. Если к примеру, действительно возросший детский травматизм школьный педагог объясняет "чрезмерным потреблением кока-колы, вымывающей кальций из костей", то, очевидно, экологическое мышление и вообще какой-либо сознательный мыслительный процесс здесь ни при чем: работают совсем другие — бессознательные — механизмы (в частности, механизмы психологической защиты). Миф о кока-коле — не потому миф, что "на самом деле" кальций из костей таким способом не вымывается, и даже не потому, что никто не оценил количество кока-колы, потребное для того, чтобы "вымывание" стало существенным для прочности кости. Это миф постольку, поскольку позволяет лицу, принимающему решения (тому

же школьному педагогу и его начальству), игнорировать безнадзорность детей и отсутствие безопасных мест для игр как причины частых переломов.

"Экологический дискурс", несущий компоненту той "упорной воли к незнанию", о которой говорил Фуко, прочно удерживает позиции в общественном сознании. "Сколько бы на (экологическую опасность) ни указывали как на зло, которое подлежит искоренению, но неизбежное поражение, чрезмерное усердие в довольно безнадежной задаче заставляет подозревать, что от (нее) требуют скорее продолжаться, размножаться до пределов видимого и невидимого, - скорее, это, чем навсегда исчезнуть" [12, с. 141]. В этой цитате слова в скобках подставлены нами вместо авторских слов о сексе; не кажется ли, что они пришлись удивительно к месту?

Действительно, "нескончаемое говорение об экологии" в СНГ в конце 90-х сравнимо лишь с "нескончаемым говорением о сексе" на Западе в 70-х. Массовое сознание с готовностью подхватывает "экологическую" информацию, "придумывая себе страхи, изобретая рецепты, призывая на помощь искусство техники, порождая... бесчисленные дискурсы". Это еще одна "смещенная" цитата [12, с. 225] и еще одна точная характеристика "экологического расстройств мышления".

Как может быть использовано это "говорение"? Разными способами. Информация о потенциальной опасности "содержащих искусственные консерванты и пищевые добавки" продуктов питания по первоначальному замыслу должна побудить потребителя чаще отказываться от ее приобретения, делая выбор в пользу "экологически чистой" продукции и тем самым побуждая производителя переходить на "экологически чистые" технологии. Дело это непростое и небыстрое (легче консервировать с консервантом, чем без него, и дешевле - с искусственным, это ясно). А эксплуатировать миф об "экологической чистоте" можно хоть сейчас, чем занимается, например, компания "Гербалайф" - и не она одна (но это - разговор отдельный)⁵. "Экологические" проекты по понятным причинам охотно финансируют развитые страны. Разумеется, легче обеспечить финансирование проектов, имеющих "широкий общественный резонанс". Проще говоря, чтобы получить деньги, следует напугать обывателя.

Элементы экологического мифа двойственны в их отношении к действительности. Они описывают действительность и творят ее. Они используют массовое и индивидуальное сознания и используются ими.

Сознание с неизбежностью включает в себя мифологические структуры.

Не имея возможности выйти за пределы мифологических описаний, все же следует пытаться указать рамки действия опознанных мифов. Идеализация социального мышления в экологии "становится фактором, снижающим способность общества в целом к осознанию реальности, предвидению и предотвращению любых кризисов, в том числе экологических" [9, с. 149].

Можно не надеяться на то, что значимые решения будут приниматься рационально на основании анализа специальной информации. Мифы, владеющие обществом, - это мифы, владеющие теми, кто этим обществом управляет (что для наших недавних демократий особенно характерно). Экологический миф сам по себе - эффективное средство манипуляций; экология и власть — вообще тема особая. Если, к примеру, обсуждается проблема взрывов, производимых одной из богатейших золотодобывающих компаний, которые якобы ускоряют таяние горных ледников, то не составляет труда представить себе, как именно такого рода конструкт могут использовать властные структуры; здесь открываются широкие возможности для "экологического шантажа".

"Постепенно система ценностей будет меняться, формируя новые моральные нормы социума" [9, с. 149], в этом Пегов и Пузаченко были абсолютно правы. Но смена систем ценностей и возникновение новых "предрассудков" (в понимании

⁵ Между прочим, когда все это кончится, каждый будет судим в отношении того, как он пользовался благоприятными возможностями (Мф. 25: 14-30). Одни их используют. Другие их исследуют.

Г. Селье - предрассудков, т.е. того, что действует "до рассудка" - "мудрости, извлекаемой из опыта" [13]) вряд ли потребуют "экологического мышления" - как не часто для решения подобных задач разум требовался и до сих пор. «Действительность свидетельствует, что "человек разумный" - это не более, чем возможность, и она далеко не всегда осуществляется... Рациональный путь решения индивидуальных и социальных проблем не полностью отвечает природе личности»⁶.

Рядовой избиратель и налогоплательщик, носитель обыденного сознания, равно как и политический лидер, бизнесмен, журналист, выбирает из потока "экологической" информации ту, которая кажется ему нужнее и с которой он может совладать. Реализуется простой принцип: "верно то, что я могу понять". "Мышление", традиционно призываемое для изгнания мифа, само становится его частью; наука предоставляет материал для антинаучных описаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Derrida J.* Apokalypse. Edition Passagen, Wien, 1985 // *Гройс Б.* Да, апокалипсис, да, сейчас // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 35.
2. *Брудный А.Л.* Наука понимать. Бишкек, 1996. С. 27.
3. *Одум Ю.* Основы экологии. М., 1975. С. 9.
4. *Большаков В.Н., Креницын С.В., Кряжимский Ф.В., Мартинес Рика Х.П.* Проблемы восприятия современным обществом основных понятий экологической науки // Экология. 1996. № 3. С. 165-170.
5. Экологический вестник Кыргызстана. Бишкек, 1997. № 1.
6. *Миллер Дж.* Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 271.
7. *Барт Р.* Мифологии. М., 1996. С. 225.
8. *Назаретян А.П.* Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 96.
9. *Пегов С., Пузаченко Ю.* Природа и общество на пороге XXI века // Общественные науки и современность. 1994. № 5.
10. *Брудный А.А.* Магия как феномен индивидуального и массового сознания // Околдованная реальность. М., 1994. С. 63.
11. *Кинг С.* Кладбище домашних любимцев. СПб., 1993.
12. *Фуко М.* Воля к знанию // *Фуко М.* Воля к истине. М., 1996.
13. *Селье Г.* Стресс без дистресса. М., 1979. С. 63.
14. *Муравьев В.* Джонатан Свифт. М., 1968. С. 291.

© Г. Курманова, Н. Багдасарова, 1998.

⁶ Эта идея принадлежит Джонатану Свифту (см. [14]).